

От издателя

Записки Б.А.Солодовникова обнаружены нами в фондах Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге, в личном архиве выдающегося тибетолога и монголиста Г.Н.Адамского (1887–1960). Рукопись занимает две общих тетради, одна из которых исписана до последнего листа, вторая — на три четверти. Ответ на вопрос, как они оказались у Адамского, читатель найдет в самих записках.

Реальные исторические фигуры и события соседствуют у Солодовникова с такими, чья достоверность не подтверждается документами и свидетельствами современников, а существующие и поныне географические объекты и даже целые этносы — с никогда не существовавшими или загадочным образом исчезнувшими после того, как автор имел с ними дело. Это позволяет считать, что перед нами не собственно мемуары, а так на-

зываемая автобиографическая проза, по условиям жанра допускающая вымысел не только как декоративный узор на суровой ткани повествования о подлинных фактах. Обольщаться не стоит: мы имеем дело не то чтобы с полностью выдуманной, но построенной авторским воображением или им же преображенной реальностью.

Рукопись не озаглавлена; мы дали ей название исходя из содержания основной части и снабдили публикацию кратким постраничным комментарием. В нашу задачу не входило проанализировать расхождения между записками Солодовникова и данными других источников по истории Монголии начала XX века. Мы ограничились лишь объяснением встречающихся в тексте монгольских и китайских слов.

Давать справку об авторе нет смысла. О том периоде своей жизни, который предшествовал его пребыванию в Монголии, он рассказал сам, а его дальнейшая судьба нам неизвестна.

Тетрадь первая

1 Для чего я взялся за эти записки?

Вопрос резонный, но преждевременный.

Как бы я на него ни ответил, потом всё равно придется отвечать по-другому. Сам по себе замысел мало что объясняет, а смысл того, о чем мы собираемся рассказать, меняется в процессе работы и полностью открывается лишь после ее завершения.

Не уверен, что мне это удастся. Я могу остановиться, усомнившись в своей объективности или способности вдохнуть жизнь в картины и лица, которые сейчас теснятся передо мной, как бесплотные тени перед сошедшим в царство мертвых Одиссеем, но могу не довести мою историю до конца и не по своей воле. Где гарантия, что у меня, ссыльного, эту тетрадь не отберут при обыске?

Я — птица невысокого полета, вряд ли мои воспоминания заинтересуют тех, кто определил мне местом жительства этот затерянный среди сопкок поселок на Селенге. Способность проводить аналогии между людьми и событиями, далеко отстоящими друг от друга во времени или в пространстве, не входит в набор обязательных служебных навыков для лиц того уровня, на котором решается моя участь, но уже одно то, что после рабочего дня, вечерами, под покровом тьмы, я ударяюсь оземь и из счетовода обращаюсь в историка, даже эту мою убогую жизнь может изменить к худшему. Право писать мемуары нужно заслужить. История — ценный зверь, охотиться на него позволено лишь по государственной лицензии. У таких, как я, шансы получить ее равны нулю.

Сентябрь едва начался, дни стоят ясные, теплые. Воздух прозрачен, ветра нет. Тишина такая, что слышно, как с деревьев падают листья. Это время года создано для воспоминаний. Если сравнить память с живописцем, то осенью, особенно ранней, она работает в духе старых мастеров с их вниманием к мельчайшим подробностям бытия, а в другие сезоны — широкими мазками, как современные художники. Одинокий человек в глухом забайкальском поселке хорошо это чувствует.

«Итак, начнем, — повторяет он памятные ему с детства первые фразы «Снежной королевы» Андерсена. — Когда мы дойдем до конца нашей истории, то будем знать больше, чем теперь».

2 Я, Солодовников Борис Антонович, капитан, был командирован в Монголию, когда она отложилась от Китая, и с весны 1912 года служил военным советником в монгольской армии, точнее — в отдельной Сводной бригаде имени Абатай-хана. При нем в Халхе* утвердился желтошапочный буддизм, и, хотя он жил во времена Ивана Грозного, его громадная белая юрта еще при мне стояла на центральной площади Урги** и почиталась как национальная святыня.

В Урге мне часто приходилось отвечать на вопрос, как я сюда попал. Я ссылался на волю начальства, умалчивая, что сам же подал рапорт с просьбой послать меня в Монголию — и мне охотно

* Халха (монг. щит) — Внешняя Монголия.

** Ныне Улан-Батор.

пошли навстречу. Строевых инструкторов из числа казачьих офицеров и вахмистров в монгольской армии хватало, а людей с опытом штабной работы, как у меня, не было. Другие кандидаты на эту якобы почетную вакансию руками и ногами отбивались от такой чести.

К тридцати годам я успел окончить Академию Генерального штаба, служил на завидной должности в петербургском гарнизоне, но своей карьерой обязан был протекции тестя. Когда мы с женой расстались, мне захотелось убедить ее и себя, что сам по себе я тоже чего-нибудь стою — вот первая причина, побудившая меня подать этот рапорт.

Вторая уходила корнями в переживаемый мной после расставания с женой кризис. Избавившись от семейных дразг, в придачу к душевному покою я обрел массу свободного времени — и на четвертом десятке задумался о своих идейных ориентирах. Идеи правят миром, мне пора было выбрать подданство и получить паспорт. Дух Запада с его удушающей пошлостью, властью капитала, газетного листа и избирательной урны никогда меня не прельщал, русское направление отталкивало своей казенщиной и тем, что к нему тяготела жена, марксизм казался пародией на христиан-

ство, которое и само-то не способно служить современному человеку опорой мировоззрения; в итоге я сблизился с кружком молодых мужчин и женщин, веривших, что свет — с Востока, что буддизм — религия будущего, что в глубине Азии бьют источники первозданного житнетворчества, в Европе давно заваленные мусором. Я надеялся их отыскать и выверить по ним стрелку моего духовного компаса.

Третья причина, последняя по порядку, но не по значению, вытекала из двух первых. В «Русском богатстве» и раньше печатались мои очерки на военную тему, а теперь мне захотелось написать роман или хотя бы повесть. Вопрос был в том, что я не знал, о чем писать. Офицерская среда, где я легко мог бы найти своих героев, тысячу раз была описана до меня, история моего брака еще не настолько отдалилась, чтобы подернуться необходимой для ее воссоздания на бумаге дымкой, и, когда я узнал о возможности не выходя в отставку поехать в Монголию, меня осенило: вот что мне нужно! Киплинг пишет об англичанах в Индии, Пьер Лоти, такой же офицер, как я, — о французах в Японии и Китае, а в России, хотя она столетиями связана с Азией, наши властители дум ничего не сказали о судьбе русского человека на Востоке. Оригинальный мате-

риал сам шел мне в руки, упустить его было бы непростительной глупостью. Так в моей жизни появились монголы.

Я ехал сюда в уверенности, что они, как при Чингисхане, будут рваться в бой, а я — сдерживать их пыл, но мои представления о них оказались так же далеки от реальности, как эти мирные скотоводы от своих воинственных предков. На маневрах они без спросу отправлялись в соседний монастырь «на моление», винтовки кропили хорзой*, но не смазывали. Там, где хранились патроны, всегда оказывалось много воды, а в пулеметных кожухах ее не было вовсе. Среди обозных быков то и дело обнаруживалась чума, их угоняли на прививку, после чего они бесследно исчезали вместе с погонщиками.

Дезертиров было множество, воров — еще больше. Все друг у друга что-то воровали — и одновременно обменивались подарками. Все были исполнены добрых намерений — и никто ничего не делал. Важные документы неделями лежали у моих начальников, и хорошо, если не пропадали вообще, зато штабные астрологи и гадатели-изрухайчины были чрезвычайно деятельны: маршруты

* Молочная водка.

движения войск и планы операций поверялись расположением звезд на небе или узором трещин на брошенной в огонь бараньей лопатке, а приказ, помеченный каким-то числом лунного месяца, которое эти кривоногие пифии признавали несчастливым, мог не исполняться с чистой совестью, потому что само это число попросту изымалось из календаря.

Сложнее всего мне приходилось не с простыми цыриками*, а с офицерами. При назначении на должности деловые качества в расчет не принимались, но тщательно учитывалось соотношение крови Чингисхана в жилах командиров и подчиненных. Штатное расписание офицерского состава бригады процвело под сенью целой рощи генеалогических деревьев, я плутал между ними, как Ганс и Гретель в заколдованном лесу, а роль ведьмы в пряничном домике исполнял инспектор штаба Восточно-Сибирского округа, ведавший всеми нашими военными советниками в Монголии: он грозился отправить меня назад в Россию, если я не научусь распутывать узлы на ветре и плести сети из песка. Загнанный в угол, я выработал в себе ка-

* Солдат-всадник.

чества, которые лишь здесь и могли пригодиться, — жесткость в противоестественном сочетании с протейзмом, готовность не доверять своим глазам, умение понимать язык теней и говорить словами, лишенными смысла.

Еще в России, готовясь к отъезду, я начал учить монгольский и на третьем году жизни в Урге владел им вполне сносно. Я быстро убедился, что источники первозданного жизнотворчества, если они вообще существуют, надо искать в других местах, и поумерил восторги перед буддизмом как религией тайновидения и сверхчувственной мудрости, но настал день, когда на смену этим умозрениям пришло живое чувство.

Мы тогда возвращались в Ургу после учений. В голове колонны ехал наш бригадный певец-тульчи. Чаще всего он импровизировал свои баллады от лица любимых монголами и страдающих по вине человека животных — попавшего в охотничью ловушку дзерена, раненого жеребца, верблюдицы, разлученной с ее верблюжонком и отданной караванщику, или верблюжонка, тоскующего по ушедшей с караваном матери, но в тот майский день его песня отражала текущий политический момент:

Вы, употребляющие свиней в пищу,
ездящие на ослах,
набивающие живот фантязой* и салом,
пришедшие к нам из-за Великой стены,
чтобы обречь нас на адские муки,
вводя всё новые налоги и поборы,
вы заботились только о благе для своего
грешного тела
и превозносили себя безмерно.
Бесчисленными стали страдания на монгольской
земле.

Увидев эти несправедливые порядки,
мудрые мужи отвязали своих коней
от золотой коновязи,
совершили возлияния бурханам,
сели в украшенные серебром сёдла,
взяли в руки оружие, которое прислал им
Цаган-хаган**,
прониклись любовью к народу,
прониклись ненавистью к угнетателям
и решимостью их уничтожить.

Прошел недолгий теплый дождь. Небесный
верблюд раскрыл пасть, слюна его пролилась на

* Гороховая лапша.

** Белый царь, т.е. Николай II.